

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47)''19''

«БУНТ ЕЩЕ ВЕСЬ НЕ ПРОЖИТ»: АВТОНЕКРОЛОГ ЕВГЕНИИ ЯРОСЛАВСКОЙ-МАРКОН (К ИСТОРИИ ЖЕНСКИХ ЛАГЕРНЫХ МЕМУАРОВ)

В. О. Шаповалова

Университет штата Калифорния, США, г. Сан-Диего

В статье рассматривается автобиография/автонекролог Евгении Исааковны Ярославской-Маркон (1902–1931), написанный в женском штрафном изоляторе Соловецкого лагеря. Женские автонекрологи, написанные в Гулаге, практически не известны. В автонекрологе Ярославская-Маркон пишет о жизни до заключения в Соловецкий лагерь. Особое внимание уделяется причинам, сформировавшим политические взгляды и мировоззрение Ярославской-Маркон. В заключении делается вывод о том, что принадлежность к преследуемому меньшинству выработала в ней повышенное чувство справедливости и неприятие давления власти. После ареста мужа Евгения Ярославская-Маркон бросает вызов всем стереотипам и нормам общественного поведения. За подготовку побега мужа из Соловецкого лагеря Ярославская была арестована и отправлена отбывать заключение в тот же Соловецкий лагерь. За активный протест против лагерной администрации была приговорена к расстрелу. Расстрел Ярославской-Маркон вошел в легенды Соловецкого лагеря.

Ключевые слова: *Ярославская-Маркон, еврейская община Санкт-Петербурга, Исаак Маркон, Выдрин, Берта Иоффе, детство, Александр Ярославский, автонекролог, Соловецкий лагерь особого назначения, Гулаг.*

Участие женщин в массовых восстаниях заключённых Гулага достаточно хорошо известно. Кроме официальных документов в архивах НКВД сохранились и личные свидетельства, и воспоминания других участников восстаний¹. Сопротивление одиночек практически не изучено, потому что в большинстве случаев погибали все, кто оказывал осознанное сопротивление администрации лагеря. Память об этих заключённых сохранилась только в официальных документах НКВД/КГБ, в записках и мемуарах *свидетелей* сопротивления. Женские одиночные протесты в лагерях были явлениями редкими, истории этих протестов обрастали невероятными подробностями и становились легендами. Кто же решался на одиночный протест в лагере? В первую очередь, – это были женщины, которые имели

---

¹ См.: *Бершадская Л.Л.* Растопанные жизни: рассказ бывшей политзаключенной. Париж, 1975.

Bershadskaja L.L. Rastoptannye zhizni: rasskaz byvshej politzakljuchennoj. Parizh, 1975.

твердые религиозные или политические убеждения и были готовы их отстаивать. Они понимали, что результатом их протеста будет смерть, и тем не менее они шли до конца в своем неприятии советской власти. В этой статье рассматривается автобиография/автонекролог «женщины-инвалида», легендарной заключённой-бунтовщицы Соловецкого лагеря.

16 июня 1931 г. около здания бывшей церкви Вознесения Господня на Секирной горе была расстреляна Евгения Исааковна Ярославская-Маркон. Поводом для расстрела послужил открытый «террористический акт», направленный против начальника лагеря Дмитрия Владимировича Успенского (1902–1989) – сотрудника НКВД, в 1930-е гг. заместителя начальника лагеря по культурной части, принимавшего личное участие в расстрелах заключённых. В ноябре 1930 г. Ярославская-Маркон, стоя в бараке в рядах заключённых, услышала приказ о расстреле своего мужа, поэта Александра Борисовича Ярославского (1896–1930), бывшего основателем литературного направления биокосмизм, руководителем группы биокосмистов в Петрограде. При оглашении фамилий расстрелянных Ярославская-Маркон с криком «палачи, изверги, скоро вам всем придёт такая же участь... цель моей жизни в дальнейшем только приносить вред Советской власти, я уверена в её скором падении»², ударила протезом сотрудника НКВД Никольского, который зачитывал приказ. Через несколько дней, когда начальник лагеря Успенский со своей свитой пришёл в женский барак, Ярославская-Маркон бросила в него заранее приготовленным булыжником. Она хотела попасть Успенскому в висок, но промахнулась, булыжник ударил Успенского в грудь. Второй камень начальник отряда ВОХР выбил у неё из руки. Что привело Евгению Маркон к такому яростному и безумному протесту? Как складывалась её жизнь до заключения в Соловецкий лагерь? Где и как были заложены начала такого открытого неприятия насилия над личностью?

Источником сведений о Ярославской-Маркон является её автобиография, написанная в женском штрафном изоляторе строгого режима на Заяцких островах, и сохранившаяся в её следственном деле. Этот документ интересен и тем, что он создавался в карцере незадолго до смерти автора, и тем, что автором является женщина (хорошо известен другой документ, написанный в тюрьме перед казнью, – «Репортаж с петлей на шее» (1942) Юлиуса Фучика, рукопись которого сохранилась благодаря одному из охранников тюрьмы, передавшему её на волю), и ценными свидетельствами о

---

² *Ярославская-Маркон Е.* Автобиография // Архив НИЦ «Мемориал». Санкт-Петербург. Все цитаты даются по копиям документов, находящихся в архиве НИЦ «Мемориал». Выдержки из дела Ярославской опубликованы в журнале «Звезда» (*Ярославская-Маркон Е.* «Клянусь отомстить словом и кровью...») / публ. и примечания Ирины Флиге // Звезда. 2008. № 1. С. 127–159).

Jaroslavskaja-Markon E. Avtobiografija // Arhiv NIC «Memorial». Sankt-Peterburg. Vse citaty dajutsja po kopijam dokumentov, nahodjashihjsja v arhive NIC «Memorial». Vyderzhki iz dela Jaroslavskoj opublikovany v zhurnale «Zvezda» (Jaroslavskaja-Markon E. «Kljanus' otomstit' slovom i krov'ju...») / publ. i primechanija Iriny Flige // Zvezda. 2008. № 1. S. 127–159).

детстве и ранней юности, проведённых в самом центре интеллектуальной жизни Санкт-Петербургской еврейской общины.

Записки адресованы будущему вольному читателю, хотя автор хорошо понимала, что первыми читателями будут сотрудники НКВД: Ярославская-Маркон сделала оговорку, что пишет «эту автобиографию не для вас, следственных органов (если бы она только для вас нужна была, я бы писать не стала!...)» – просто мне самой хочется заснять свою жизнь на бумаге, а бумаги, кроме как в ИСО мне достать негде...». В тексте встречаются примечания и пояснения для «туповатых сотрудников НКВД». Свою биографию Ярославская-Маркон назвала автонекрологом: она не сомневалась в близости своей гибели и понимала, что будет приговорена либо к длительному сроку заключения, либо к расстрелу: «Если я сейчас все это излагаю так откровенно, то потому, что все равно ожидаю либо расстрела, либо длительного заключения...». Она прослеживает свою жизнь с раннего детства до штрафного изолятора, пытаюсь не только осознать своё место в истории, но и вновь пережить счастье жизни на воле.

Ярославская-Маркон называет три основных фактора или, по её словам, «равнодействующие силы», которые сформировали её личность. В первую очередь, это отец, Исаак Юльевич Маркон (1875–1949)³, учёный-ориенталист и габраист, активный деятель еврейской общины в Петербурге/Петрограде. Маркон был одним из основателей Высших курсов востоковедения (1907), первого гуманитарного высшего учебного заведения, сочетавшего традиционный еврейский подход в изучении семитологии и иудаики с новейшими достижениями мировой науки. Дружба с отцом («сдружились мы с ним... как ровесники, как братишка с сестрёнкой»), увлекательные рассказы отца о научной работе, о его любимой теме – средневековых путешествиях евреев заложили основы её мировоззрения. Насыщенная событиями жизнь еврейской общины Петербурга/Петрограда была тем культурно-политическим фоном, на котором проходило детство Евгении. Семья Маркон жила недалеко от Хоральной синагоги и занимала квартиру в доме, где находились и редакция журнала «Ха Кедем» (Восток), и Общество любителей древнееврейского языка.

Именно в годы её детства, в начале XX в. в России происходит подъём и расцвет еврейского искусства. Иврит становится языком светской литературы и поэзии⁴. Выходят новые научные и популярные журналы. Еврейские художники и музыканты получают признание в России и в Европе⁵. Еврейские банкиры и промышленники вносят заметный вклад не

---

³ О И.Ю. Марконе см.: *Бейзер М.* Евреи в Петербурге. Израиль, 1990.

Bejzer M. Evrei v Peterburge. Izrail', 1990.

⁴ См.: *Римон Е.* Стратегии опоздания: ивритская литература XIX века в русском и европейском контекстах // *Вопросы литературы.* 2007. № 3. С. 129–167.

Rimon E. Strategii opozdaniya: ivritskaja literatura XIX veka v russkom i evropejskom kontekstah // Voprosy literatury. 2007. № 3. S. 129–167.

⁵ См.: *Столович Л.* Русско-еврейский феномен в русской культуре // *Звезда.* 2011. № 11. С. 214–220; *Horowitz B.* Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late Tsarist Rus-

только в экономику Российской империи, но и в культурную жизнь России, жертвуя деньги на поддержку литературы и искусства. Промышленник и банкир Лазарь Соломонович Поляков (1842–1914), дядя Евгении Маркон, известный как «московский Ротшильд», участвует в строительстве Музея изящных искусств им. Александра III, жертвует значительные суммы на строительство Румянцевского музея в Москве.

В то же время во всех слоях населения Российской империи существовали сильные антисемитские настроения, кульминацией которых были погромы. «... В народе сложилось убеждение в полной безнаказанности самых тяжелых преступлений, если только таковые направлены против евреев»⁶, – писал Александру III в донесении о еврейском погроме 1884 г. губернатор Нижнего Новгорода, Н. М. Баранов. Проявления антисемитизма и погромы поддерживались и революционерами-народниками, и славянофилами⁷. После 1905 г. антисемитизм становится одним из центральных пунктов программы Союза русского народа и других ультраправых политических партий и группировок.

Неравенство и антисемитизм неоднократно касались и семьи Маркон. Исаак Маркон как еврей не мог получить профессию в университете и поступил на службу вольноотрядившимся в Императорскую публичную библиотеку. Только после нескольких ходатайств Маркон был причислен к Министерству просвещения с откомандированием в библиотеку. В детстве Евгения была дружна с Бертой Каценелленбоген, дочерью раввина Петербургской хоральной синагоги. В доме Каценелленбогенов «не было дня, чтобы оттуда (из черты оседлости. – *В. III.*) не приезжали ходоки за помощью по общественным или своим маленьким нуждам... Их было много, нужда была большая...»⁸. Проблемы антисемитизма и его последствий – эмиграция в Палестину, участие в революционном движении, ассимиляция обсуждались в семейном и дружеском кругу и выработали в Евгении повышенное чувство справедливости. Она принадлежала к преследуемому меньшинству, и в то же время хорошо обеспеченная семья ограждала её от личных столкновений с несправедливостью. Евгения была единственным ребёнком в семье, и её окружали чрезмерной заботой. «Мне приходилось стесняться того, что расту я эдакой маминой дочкой, прикрытой ото всех

---

sia. Seattle, 2009; *Loeffler J.* The Most Musical Nation: Jews and Culture in the late Russian Empire. New Haven, 2010.

Stolovich L. Russko-evrejskij fenomen v russkoj kul'ture // *Zvezda*. 2011. № 11. S. 214–220.

⁶ Цит. по: *Пудалов Б. М.* Евреи в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, 1998. С. 48–49.

Pudalov B. M. Evrei v Nizhnem Novgorode. Nizhnij Novgorod, 1998. S. 48–49.

⁷ *Кудряшев В. Н.* «Черный передел», «Народная воля» и еврейский вопрос: реакция русского народничества на еврейские погромы в России 1881 года // *Вестн. Томск. гос. ун-та*. Томск, 2011. № 349. С. 92–96.

Kudrjashev V. N. «Chernyj peredel», «Narodnaja volja» i evrejskij vopros: reakcija russkogo narodnichestva na evrejskie pogromy v Rossii 1881 goda // *Vestn. Tomsk. gos. un-ta*. Tomsk, 2011. № 349. S. 92–96.

⁸ *Иоффе Б.* Семейные записки. Хайфа, 2003. С. 15–16.

Ioffe B. Semejnye zapiski. Hajfa, 2003. S. 15–16.

непогод, да береженной (а берегли меня непростительно: – до четырнадцатилетнего возраста одну на улицу не пускали и даже в гимназию до четырнадцати лет провожала меня бонна)». Отсутствие братьев и сестер поставило её в центр внимания всей семьи, но она была одиноким ребёнком. Её мать, Роза Выдрина, происходила из многодетной семьи и была дружна со своими сёстрами и братьями. У подруги детства, Берты Каценелленбоген, были и братья и сёстры. Евгения создавала себе идеализированные картины мира, например, полное взаимопонимание и любовь между родными братьями и сёстрами: свои отношения и с отцом, и с мужем она сравнивала с дружбой «братишки с сестрёнкой».

В семье Исаака Маркона тесно переплетались наука, религия и политика. Исаак Маркон был старостой Хоральной синагоги, и религиозная жизнь общины была неотъемлемой частью его деятельности. Древнееврейская история полна подвигов и самопожертвований: достаточно вспомнить отчаянный героизм Иуды Маккавея. Герои древнего Израиля часто становились образцом для подражания⁹. Евгению вдохновляла история, а политика и революция стали её новой религией: «Я всё мечтала как бы это хорошо – жить в сыром подвале, как дочь прачки в нашем дворе, носить платочек вместо шляпки (шляпка – «каинова печать» буржуазного происхождения), бегать босою и с полудетских лет работать на фабрике... То, что, выросши, стану я революционеркой-подпольщицей, было для меня делом заведомо решенным».

Роль родственников матери, «семьи революционно настроенной интеллигенции», Евгения считает вторым фактором, оказавшим важное влияние на формирование её характера. Семья Выдриных принимала активное участие в политической жизни России. Сёстры и братья матери входили в разные политические партии: среди них были и октябристы, и кадеты, и социал-демократы, и большевики. Исаак Ильич Выдрин, дядя Евгении, находился в ссылке вместе с Я. М. Свердловым, Анна Ильинична Выдрина, ещё будучи гимназисткой, принимала активное участие в работе гимназического кружка РСДП¹⁰. Евгения часто проводила лето у родственников в Москве или в Смоленской губернии, в имении Цуриково. Весной 1917 г., гостя у бабушки в Москве, Ярославская-Маркон вступила в Объединённую социал-демократическую партию. Это не было продуманным и серьёзным решением, она лишь следовала примеру старших близких родственников. Недолгое пребывание в партии никак не повлияло на формирование политических взглядов Евгении. Её воспоминания о лете 1917 г. – это короткие зарисовки о дежурствах в районном комитете и о реакции прохожих на красивую «барышню», продававшую газеты.

---

⁹ Каган М. И. О ходе истории. М., 2004. С. 25.

Каган М. И. О ходе истории. М., 2004. С. 25.

¹⁰ См.: Земсков В. Ф. Участие Маяковского в революционном движении 1906–1910 гг. // Литературное наследство. М., 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 444.

Zemskov V. F. Uchastie Majakovskogo v revoljucionnom dvizhenii 1906–1910 gg. // Literaturnoe nasledstvo. M., 1958. T. 65: Novoe o Majakovskom. S. 444.

Ярославская-Маркон пишет, что была влюблена в идею революции с тринадцати лет. Теорию об угнетателях и угнетённых она применила к частной гимназии, в которой училась: «... я сама себе вменила в обязанность быть как можно дерзче с гимназическим начальством, никому не покоряться, а за каждую гимназистку заступаться – “горой стоять!”. Я олицетворяла так: начальство, педагоги – власть, гимназистки – угнетаемые массы». За дерзость и неподчинение гимназическим правилам Евгению исключили из гимназии, и экзамены за два последних класса она сдала экстерном. Для её мировоззрения характерны, с одной стороны, полное незнание происходящего в стране, а, с другой стороны, – максимализм, свойственный социал-революционерам.

В феврале 1917 г. Евгения, ускользнув из дома, стала инициатором освобождения уголовных (sic!) заключённых из Литовского замка. Она понимала и отмечала для себя, что среди заключённых были воры и убийцы, но ни на минуту не усомнилась в правоте своих действий: «Помнится, я ещё тогда подумала: “Наверное, убийца: у воришки, у мошенника, у мелкого преступника – не может быть таких ясных, таких до святости открытых глаз...”». Евгения Ярославская-Маркон бросилась в революцию, ожидая наступления всеобщей справедливости и равенства. В то время она считала безнравственным есть больше, чем полагалось по рабочему пайку, и голодала в течение нескольких месяцев. Вскоре после прихода большевиков к власти Евгения «разочаровалась во всем этом коммунизме», а к 1921 г. она была твёрдо убеждена, что «революция в Кронштадте, а контрреволюция в Смольном».

Третий фактор – «равнодействующая сила» – это влияние немецкой культуры. Любовь к «немецкой литературе, немецкому языку, природе Германии, немецкому Рейну» привила и немка-бонна. Для Исаака Маркона Германия была страной, где он провёл годы учения в университете и куда часто ездил в научные командировки. От отца Евгения переняла любовь и к эпохе Реформации, и к немецким романтикам: «Гейне, Гофман были моими современниками». Конфликты между разумом и чувством, между законом и справедливостью, стремление к крайностям, иррационализм характерны для немецкого романтизма. По словам Марины Цветаевой, которая, как и Ярославская-Маркон, бывала в детстве в Германии и любила эту страну, «у них (немцев. – В. Ш.) нет баррикад, но у них философские системы, взрывающие мир, и поэмы, его заново творящие...»¹¹. Можно провести несколько параллелей между Цветаевой и Ярославской-Маркон: влияние отца-учёного, максимализм, любовь к Германии и немецкому романтизму: «Моя страсть, моя родина, колыбель моей души!»¹² Идеи сопротивления силам узаконенной несправедливости пронизывают работы немецких романтиков. Микаэль Кольхаас, герой Генриха фон Клейста, не до-

---

¹¹ Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1997. Т. 4. Кн. 2. С. 148.

Светаeva M. Sobraenie sochinenij: v 7 t. M., 1997. T. 4. Kn. 2. S. 148.

¹² Там же. Т. 3. С. 203.

Ibid. T. 3. S. 203.

бившись справедливости законным порядком, прибегает к террору. Стремление к универсальной всеобщности, крайний индивидуализм и бунтарство определили идеологию Евгении Ярославской-Маркон. От немецких романтиков идёт и стремление к дружбе со старшим наставником. Эта дружба рассматривается не только как личная привязанность, но и как общность художественных, философских интересов: быть младшим другом – значит быть избранным и достойным соратником своего учителя. В школьные и студенческие годы старшим наставником и другом был отец. До 1922 г. Исаак Маркон преподавал в Институте высших еврейских знаний в Петрограде, а затем вынужден переехать в Минск, где преподавал в Минском университете. Он вёл исследовательскую работу в Институте белорусской культуры. В 1926 г. Маркон выехал в Латвию, затем в Германию. В БГУ Маркон читал «Историю средневековой еврейской литературы» и «Введение в семитологию», а в 1926 г. эмигрировал в Латвию, а затем в Германию, где читал курс древней еврейской истории в раввинском училище в Гамбурге. В 1922 г. Евгения знакомится с поэтом-биокосмистом Александром Ярославским и вскоре выходит за него замуж.

Отношения с отцом проецируются на её отношения с мужем. О любви к Ярославскому она пишет как о «любви отца и дочери, и – великой дружбе двух друзей-соратников». Ярославский, в определённой мере, заменяет Евгении отца. Все творческие работы Ярославского Евгения безоговорочно считала великими. Себе она оставляла роль помощника гениального человека: она не творец, а лишь свидетель творческого процесса: «... творил, собственно говоря, один он, я исполняла чисто техническую роль, выстукивая на машинке, но он меня вводил за собой в своё творчество». Книгу стихов «Миру поцелуй», выпущенную в свет в Петрограде в 1923 г., он посвятил Евгении Маркон. Она постоянно преуменьшает свои способности и свою творческую работу.

В первой половине 1920-х гг. Евгения вместе с мужем много ездила по стране с антирелигиозными лекциями. Для Ярославской-Маркон, которая хорошо владела четырьмя языками, в том числе ивритом, была прекрасно знакома с доктринами иудаизма и христианства, антирелигиозные дебаты с православными священниками были своеобразной игрой. Её эрудиция позволяла ей легко побеждать любых оппонентов. Ярославская-Маркон была настолько поглощена идеями биокосмизма и перманентной революции, что гонения на церковь и религию в Советской России не упоминаются в её автобиографии. Можно предположить, что православная церковь всегда была для неё чужой и была связана как с антисемитизмом, так и с личным неприятием организованной религии. Вечное движение и вечный бунт становятся политическим кредо Евгении. Она была готова воплотить в жизнь идею биокосмистов о всеобщем равенстве и бесконечной свободе личности.

Сила характера, личное мужество и упорство ярко проявились после трагического эпизода: в 1923 г. в Твери Ярославская попала под поезд, и ей ампутировали стопы обеих ног; с тех пор она ходила на протезах. Это событие не изменило её жизнь: она лишь вскользь упоминает о нём («собы-

тие настолько для меня ничтожное»). Инвалидность не останавливает её – путешествия и странствия, о которых писал её отец, стали реальностью для Евгении: «... поезда, пароходы, мягкий и вкусный санный путь – эх, – об этом бы писать и писать!» Поездку в Европу Ярославская рассматривает как продолжение странствований по России. В Берлине она встречает Григория Ландау, активного деятеля Петербургской / Петроградской еврейской общины, участника редакции «Ха Кедем». В 1921–1931 гг. он был заместителем И. В. Гессена в редакции кадетской газеты «Руль», и именно в этой газете Ярославская опубликовала цикл очерков «По городам и весям». Очерки отличаются наблюдательностью, юмором, живым стилем. Эта публикация значительна хотя бы потому, что «Руль» входил в четверку наиболее крупных печатных органов русской эмиграции. Заветной целью эмигрантских издательств было распространение своих изданий в России. Цикл очерков Ярославской, очевидно, представлял интерес не только для русской диаспоры, но и для потенциальных читателей в Советском Союзе.

В Европе Ярославская с удовольствием изучает быт самого дна общества, «главным образом определённую сторону этой жизни: – ночлежные дома, кабаки, преступный мир, проституцию». Интерес к отверженным возник у Ярославской ещё в ранней юности. Исаак Маркон писал о средневековом быте евреев – отверженного и изгнанного народа Средневековой Европы. Ярославскую также интересует быт отверженных и в Европе, и в России. Если она и вела какие-либо записи в Европе, они пропали после приезда в Россию. Решение мужа ехать в Россию Ярославская поддерживала неохотно. Неизвестно, знала ли она, что в это же время Исаак Маркон жил в Латвии и собирался переезжать в Германию. Она не упоминает об отце в контексте своих европейских скитаний.

Александр Ярославский был арестован по возвращению в Советский Союз в мае 1928 г. Ярославская-Маркон осталась одна и, несмотря на уговоры и просьбы матери, категорически отказывалась вернуться в семью родственников. Только после свидания с Ярославским в тюрьме и его настоячивых убеждений она неохотно возвращается к родным. Евгения настолько презирала советские учреждения, что предпочла полубездомную жизнь, случайные заработки от продажи газет, цветов и воровство работе на советскую власть. Она попала в тот мир отверженных, о котором мечтала с детства. В жизни она ведет себя так, как будто продолжает играть роли романтических героев и героинь. Как романтическая героиня, она сразу же начала готовить побег Ярославского из тюрьмы. Удивительно ярко и красочно Ярославская описывает свою жизнь «на дне» в Москве и по дороге на Соловки. Её записки носят этнографический характер – она подробно описывает быт московского «дна» конца 1920-х гг. Ярославская проигрывала в жизни всевозможные литературные роли: и мальчишки-беспризорника, и продавщицы цветов, и «благородного вора», крадущего только у богатых, и переодетой гадалки, под видом которой героиня приближается к тюрьме, где заключён её возлюбленный. Все свои «роли», мизансцены, всех действующих лиц – воров, проституток, сутенеров – она описывает зримо и динамично. Аресты за воровство и кратковременное за-

ключение в Бутырской тюрьме, где она металлической крышкой от парашюта разбила голову надзирательнице, не останавливают и не замедляют её продвижение к Соловкам, где уже находился в заключении Александр Ярославский. Сценки, как кадры, смонтированы в киноленту опасных приключений. Евгения сама отмечает связь своего нарратива с кинематографом: «... мне самой хочется “заснять” свою жизнь на бумаге».

В быстрой смене «кадров» приключений Ярославской постоянным остается её политическое кредо – неприятие советской власти. Все приключения обрываются прибытием в Соловецкий лагерь. В лагере кончается увлекательная жизнь «гимназистки-революционерки, студентки-мечтательницы... вечной путешественницы... уличной газетчицы, рецедивистки-воровки и бродячей гадалки!». Ярославская ничего не пишет о своём заключении в Соловецком лагере. О лагере и протестах-демонстрациях, которые она устраивала там, пишут сотрудники НКВД в рапортах и приговорах. Ярославская отказывалась работать, призывала заключённых к свержению советской власти, к террористическим актам против власти. В штрафном изоляторе она издавала рукописную газету-листок «Урканская правда». Там же, в штрафном изоляторе Соловецкого лагеря, она поняла, что её идеи о братстве и союзе с преступным миром потерпели полное крушение. У Ярославской, убеждённой поборницы перманентной революции, которая ей представлялась театрализованным представлением, не было и не могло быть сторонников ни на воле, ни в лагере. Именно в штрафном изоляторе Ярославская переживала ещё раз моменты жизни на воле: большая часть событий, о которых она вспоминает, происходила на открытых пространствах – на улицах, дворах, площадях и дорогах. Кроме того, сам факт записи событий, связанных с вольной жизнью и неподчинением властям, вёл к обретению внутреннего покоя и эмоционального равновесия.

«Террористический акт» – булыжником в висок, – который в конечном итоге привёл Ярославскую к расстрелу, был вызван осознанием одиночества и избранности. Жизнь выбрала её – еврейку, женщину, инвалида, заключённую – для того, чтобы убить Никольского. В Никольском она воочию увидела своего врага – палача поэтов, самодовольного, наглого и невежественного представителя советской власти. Покушением на Никольского она духовно поднималась до уровня подвигов древнееврейских героев и, по всей вероятности, была готова к смерти там же, в бараке.

Соловецкие легенды сохранили память о расстреле «женщины-инвалида». По некоторым сведениям, палачи перед расстрелом отобрали у неё протезы и смеялись над «удачной шуткой». Юлия Данзас, которая находилась в заключении в Соловецком лагере (1928–1932), пишет о расстреле Ярославской как о самом ужасном событии, которое произошло в годы её пребывания на Соловецких островах¹³. Автонекролог и смерть Ярославской были духовной победой над администрацией лагеря. Сам факт написания «автонекролога», описания событий, связанных с вольной жизнью, был самоутверждением личности и ответом на все старания государства

---

¹³ *Danzas I. Red Gaols. A Woman's Experience in Russian Prisons. London, 1935. P. 46.*

унизить, уничтожить и предать забвению заключённую, поднявшую руку на начальника лагеря. Ярославская была единственной женщиной, расстрелянной вместе с группой «имяславцев», которые, не будучи её единомышленниками, не признавали советскую власть («власть Антихриста») и отказывались работать на неё.

Список литературы

1. *Бейзер М.* Евреи в Петербурге. Израиль: Библиотека Алия, 1990.
2. *Земсков В. Ф.* Участие Маяковского в революционном движении 1906–1910 // Литературное наследство. М., 1958. Т. 65: Новое о Маяковском.
3. *Каган М. И.* О ходе истории. М., 2004.
4. *Кудряшев В. Н.* «Черный передел», «Народная воля» и еврейский вопрос: реакция русского народничества на еврейские погромы в России 1881 г. // Вестник Томского государственного университета. Томск. 2011. № 349. С. 92–96.
5. *Пудалов Б. М.* Евреи в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, 1998.
6. *Римон Е.* Стратегии опоздания: ивритская литература XIX века в русском и европейском контекстах // Вопросы литературы. 2007. № 3. С. 129–167.
7. *Столочич Л. Н.* Русско-еврейский феномен в русской культуре // Звезда. 2011. № 11. С. 214–220.
8. *Danzas I.* Red Gaols. A Woman's Experience in Russian Prisons. London, 1935.
9. *Horowitz B.* Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late Tsarist Russia. Seattle: University of Washington Press, 2009.
10. *Loeffler J.* The Most Musical Nation: Jews and Culture in the late Russian Empire. New Haven, CT.: Yale University Press, 2010

«THE REBELLION IS NOT OVER»: AUTO-OBITUARY OF EVGENIYA YAROSLAVSKAYA–MARKON (TO THE HISTORY OF WOMEN PRISONERS' MEMOIRS)

Veronica Shapovalova

San Diego State University, the Dept of European Studies

This article examines a unique document – the autobiography/self-obituary of Evgeniya Isaakovna Yaroslavskaya-Markon (1902–1931). The document was written in the punishment isolator on Zayachy Island in Solovetsky camp. Women's self-obituaries written in the Gulag are extremely rare. In her self-obituary, Yaroslavskaya-Markon writes about her life before her imprisonment to the Solovetsky camp. Special attention is paid to the reasons that made Yaroslavskaya-Markon challenge all authorities and every social convention. The author arrives at a conclusion that she was well aware of the Jewish problem in Russia and since childhood cultivated the idea of justice for everyone. In 1923, she married a poet-biocosmist Aleksandr Yaroslavsky. He was arrested and interned to the Solovetsky camp. Evgeniya challenged all author-

ities and every social convention: she lived in the streets with the homeless, and stole for the sake of principle. Immediately after her husband's arrest Yaroslavskaya-Markon started plotting his escape. She was arrested and sent to the Solovetsky camps. Her bold, active protest made her a legend in camp lore.

Keywords: *Yaroslavskaya-Markon, St. Petersburg Jewish community, Isaak Markon, Vydrin, Berta Ioffe, childhood, Aleksandr Yaroslavsky, self-obituary, The Solovetsky Special Purpose Labor camps, Gulag.*

Об авторе:

ШАПОВАЛОВА Вероника Орестовна – доктор литературоведения, профессор кафедры европейстики Университета штата Калифорния в городе Сан-Диего, директор Русской и Европейской программ, член редколлегии журнала *Gulag Studies* (5500 Campanile Dr. San Diego, CA 92182-7704, e-mail veronica.shapovalov@sdsu.edu

About the authors:

SHAPOVALOVA Veronika Orestovna – Ph.D, San Diego State University, the Department of European Studies, the Professor of Russian, the Russian Program Director, European Studies Program Director (5500 Campanile Dr. San Diego, CA 92182-7704, e-mail: veronica.shapovalov@sdsu.edu

References

- Beizer M. *Evrei v Peterburge. Izrail'*: Biblioteka Aliya, 1990.
- Zemskov V. F. *Uchastie Mayakovskogo v revolyutsionnom dvizhenii 1906–1910 // Literaturnoe nasledstvo. M., 1958. T. 65: Novoe o Mayakovskom.*
- Kagan M. I. *O khode istorii. M., 2004.*
- Kudryashev V. N. «Chernyi peredel», «Narodnaya volya» i evreiskii vopros: reaktsiya russkogo narodnichestva na evreiskie pogromy v Rossii 1881 g. // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk. 2011. № 349. S. 92–96.*
- Pudalov B. M. *Evrei v Nizhnem Novgorode. Nizhnii Novgorod, 1998.*
- Rimon E. *Strategii opozdaniya: ivritskaya literatura KhIKh veka v russkom i evropeiskom kontekstakh // Voprosy literatury. 2007. № 3. S. 129–167.*
- Stolovich L. N. *Russko-evreiskii fenomen v russkoi kul'ture // Zvezda. 2011. № 11. S. 214–220.*
- Danzas I. *Red Gaols. A Woman's Experience in Russian Prisons. London, 1935.*
- Horowitz B. *Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late Tsarist Russia. Seattle: University of Washington Press, 2009.*
- Loeffler J. *The Most Musical Nation: Jews and Culture in the late Russian Empire. New Haven, CT.: Yale University Press, 2010.*

Статья поступила в редакцию 20.03.2014.